

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ОБЗОРЫ

ДОМАШНЕВ А. И.

РЕФОРМА НЕМЕЦКОЙ ОРФОГРАФИИ
(Обзор теоретических разработок в ГДР)

Действующие ныне правила немецкой орфографии были приняты в самом начале нашего века и представляют собой компромиссный итог полемики, которая проводилась на протяжении почти всей второй половины XIX в. между представителями различных направлений в орфографической нормализации литературного языка: речь идет, с одной стороны, о фонетическом принципе Й. Аделунга, а с другой, об историко-этимологической концепции, сформировавшейся еще в первой половине XIX в. под влиянием Я. Гримма. Лишь четверть века спустя после берлинской конференции 1876 г. на II орфографической конференции в 1901 г., в работе которой принимали участие представители Австрии и Швейцарии, удалось найти согласованное решение этой проблемы и были приняты правила, ставшие обязательными для всех трех стран распространения немецкого языка [1]. Основные достижения II орфографической конференции, положившие начало унификации немецкого правописания, были учтены К. Дуденом (1829—1911) при редактировании им седьмого издания своего «Орфографического словаря», вышедшего в свет вскоре после конференции (в январе 1902 г.). С тех пор все изменения в правописании кодифицируются традиционно словарем Дудена, который рассматривается в качестве официального справочника немецкой орфографической нормы¹. Однако К. Дуден, принимавший участие во всех орфографических проектах начиная с 70-х годов прошлого века, после принятия правил в 1901 г. считал, что они остаются не вполне удовлетворительными, т. к. не содержат последовательной реализации «фонетического принципа» правописания.

Поскольку орфографическая реформа не разрешила наиболее спорных вопросов немецкого правописания, неудивительно, что в последующие десятилетия они неоднократно привлекали к себе внимание как со стороны лингвистов, так и со стороны учителей, писателей и широких кругов общественности в странах распространения немецкого языка. Назревшие проблемы орфографии стали подниматься в послевоенное время, с начала 50-х годов. В 1954 г. в Штутгарте была созвана конференция, участниками которой были специалисты из ГДР, ФРГ, Австрии и Швейцарии. Результаты обсуждения орфографических проблем были изложены в так называемых «Штутгартских рекомендациях». Они содержали следующие основные положения, которые с тех пор продолжают живо обсуждаться: 1) введение написания существительных со строчной буквы, 2) унификация таких написаний, как *tz* (в сравнении с *z*), *ß* (в сравнении с *ss*) и др.; 3) устранение орфографических дублетов, 4) уподобление иноязычных слов орфографическому облику слов немецкого языка («Eindeut-

¹ Начиная с 1954 г. издания орфографического словаря «Дуден» выходят раздельно в ГДР и ФРГ (соответственно в Лейпциге и Мангейме).

schung»); 5) слитность и раздельность написания слов, 6) уточнение правил слогоделения слов в конце строчки и при переносе; 7) упрощение правил знаков препинания; 8) решение вопроса о правилах написания имен собственных; 9) обозначение долготы и краткости гласных.

Такие радикальные предложения, в особенности написание всех слов (кроме начальных слов в предложении, имен собственных, местоимений в обращениях, сокращений) со строчной буквы, а также орфографическое оформление заимствований, вызвали широкое и оживленное обсуждение. Уже тогда, несмотря на сложность проведения столь кардинальных орфографических мероприятий, со стороны ГДР была проявлена готовность к согласованным действиям. Однако в других странах немецкого языка дальнейшее обсуждение проекта реформы не привело к общим взглядам [2, с. 8]. Созданная в 1956 г. в ФРГ рабочая группа (Arbeitskreis) в ходе многочисленных заседаний выработала предложения, учитывавшие, в основном, «Штутгартские рекомендации», которые обсуждались в 1958 г. в Висбадене («Висбаденские рекомендации»). Иначе сложилось положение при обсуждении как «Штутгартских», так и «Висбаденских» рекомендаций в Австрии и Швейцарии, где после долгих дискуссий в конечном счете проекты реформы так и не были поддержаны, в особенности в связи с предложением о написании существительных со строчной буквы.

Устремления противников реформы наиболее полно выявились на орфографической конференции в 1963 г. в Швейцарии. В связи с неблагоприятным исходом обсуждения «Рекомендаций» было признано нецелесообразным созывать заключительную орфографическую конференцию, которую предполагалось провести в Вене. Однако это не означало, что проблема перестала быть актуальной. Напротив, было решено продолжить координационную работу в рамках узких совещаний специалистов и путем обмена мнениями.

В середине 60-х годов среди лингвистов ГДР укрепилось сознание необходимости проведения специальных исследований, которые могли бы приблизить решение проблем, связанных с теоретическим обоснованием программы орфографической реформы. Началом этого нового этапа планомерной деятельности ученых стало совещание германистов ГДР в 1973 г. в Берлине, на котором с докладом «Лингвистические основы реформы немецкой орфографии» выступили Д. Нериус и Ю. Шарнхорст. Характеризуя уже проделанную работу, они указали на необходимость усиления внимания лингвистов к исследованию письменной формы литературного языка в связи с возрастанием ее коммуникативной роли в структуре общения. В связи с этим повышается и роль разработки, кодификации и унификации орфографических норм языка. Впоследствии орфографической исследовательской группой ГДР (Forschungsgruppe Orthographie) была разработана фундаментальная концепция, ставшая предметом обсуждения на специальной научной конференции в Ростке в 1978 г. В 1980 г. эти материалы были опубликованы в книге «Теоретические проблемы немецкой орфографии» [3]. Книга открывается вступительной статьей Д. Нериуса и Ю. Шарнхорста «Основные принципы орфографии» (с. 11—73). Вначале они останавливаются на истории разработки орфографической нормы современного немецкого языка, анализируя при этом и орфографические системы предшествующего времени, тесно связанные с расширением применения письменности. Авторы напоминают, что в отличие от таких стран, как Англия и Франция, развившихся относительно рано в единые национальные государства, поражение ранней буржуазной революции в Германии повляло на сохранение и укрепление феодальной раздробленности, что затормозило и процесс развития единого литературного языка. Реальные предпосылки для установления единой немецкой орфографии были созданы лишь в XIX в. Авторы отмечают большую заслугу в этом Р. Раумера, а также К. Дудена, способствовавших тому, что в 1901 г. II берлинская орфографическая конференция смогла принять единую систему орфографии.

Переходя к вопросам взаимоотношения письменного литературного языка и орфографии, Д. Нериус и Ю. Шарнхорст подробно останавлива-

ются на графическом уровне литературного языка, рассматривают функции письменного языка и системы письма, раскрывая их специфические черты и то значение, которые они имеют в определении нормы литературного языка в целом. В этом смысле они рассматривают понятие орфографической нормы, а также ее соотношение с культурой языка (*Sprachkultur*).

В разделе «Понятие графемы» (с. 74—108) К. Хеллер выделяет графему в качестве центрального понятия языка письменного языка и прослеживает теоретические подходы различных ученых к ее определению. Он подчеркивает, что графический уровень в определенной мере зависит от фонологического. Одновременно графический уровень языка обладает и определенной автономией, что делает его равнозначным фонологическому. Далее автор рассматривает некоторые специальные проблемы взаимоотношений графем и фонем, отношения графемы и буквы, а также останавливается на понятиях графографемы и фонографемы.

Одним из сложных вопросов проекта реформы немецкой орфографии является проблема графического слогоделения. В. Гоффрихтер в разделе «Действующие правила графического слогоделения (слогоделение) и пути их упрощения» (с. 109—139) проанализировал существующий комплекс правил разделения слов (слогоделение немецких и заимствованных слов, разделение согласных и гласных, разделение префиксов и суффиксов, слогоделение имен собственных). Он установил, что существующая дробность правил, осложняющая практическое их применение, может быть преодолена. При этом автор подробно сопоставляет ныне действующие принципы с предложениями, выработанными в Штутгарте и Висбадене. Одновременно он соотносит эти последние с замечаниями, высказанными на различных рабочих совещаниях специалистов (мнение австрийской комиссии, 1961—1962 гг.; позиция швейцарской орфографической конференции 1963 г., а также венского орфографического конгресса 1973 г. и др.), и сравнивает правила слогоделения в других языках. В результате такого подхода В. Гоффрихтер разрабатывает конкретные предложения, затрагивающие разделение различных типов слов (простые, производные, сложные слова), слогоделение при скоплении согласных (*st*, *ck*).

Д. Херберг в разделе «Понятие слова и орфография» (с. 140—161) исследует вопросы, связанные с характеристикой слова и его категориальными признаками в немецком языке: цельно- и раздельнооформленность слова, слово в семантическом аспекте и др. Кроме того, понятие слова рассматривается в фонологическом и графическом планах, а также в отношении к различным уровням системы языка, в особенности — к графическому (на лексическом и семантическом уровнях, в отношении к синтаксису и фонологическому уровню).

Отдельную главу книги составляет анализ принципов орфографирования заимствованных слов — «К проблеме реформы написания заимствованных слов в аспекте центра и периферии языковой системы» (с. 162—192). Ее автор — К. Хеллер, основываясь на идеях пражской лингвистической школы, считает, что при исследовании орфографии в центре внимания должна находиться вся система современного литературного языка с ее функционально-стилистическим членением. Именно на этой основе следует делать выводы о характере языковой нормы, не пренебрегая при этом диахроническим аспектом (с. 162). Автор указывает, что, выделяя центр и периферию в системе языка (в частности, в сфере лексики), можно более последовательно оценить место заимствованных слов в лексической системе языка, степень их «освоенности» (*Einbürgerung*) и на этой основе установить правила их орфографирования.

Р. Баудуш в разделе «К лингвистическим основам знаков препинания» (с. 193—230) рассматривает основные функции знаков препинания и исторически сложившиеся правила их расстановки в немецком языке. Автор выделяет два основных принципа — формально-синтаксический и семантико-синтаксический и далее подробно анализирует предлагаемые проектом реформы изменения, касающиеся правил применения 10 основных знаков препинания (точка, запятая, точка с запятой, двоеточие, знак вопроса, знак восклицания, тире, точки пропуска — многоточие, скобки,

кавычки). При этом Р. Баудуш сравнивает предлагаемые проектом правила использования знаков препинания с нормой их применения в русском, английском и французском языках и высказывает ряд соображений, касающихся возможностей определенного упрощения правил.

В главе «К принципам написания в немецком языке» (с. 231—259) И. Раненфюрер анализирует основные положения орфографии в ее отношении к письменному литературному языку. При этом она подробно рассматривает историю теоретической разработки орфографии в лингвистических трудах XVI—XIX столетий, отмечая особые заслуги в этом Г. Фрейера, Й. Аделунга, Р. Раумера, Г. Аугста, О. Бреннера и др. Автор уделяет также много внимания работам, в которых исследуются различные стороны нового проекта реформы орфографии (1954 г.), в частности, публикации Р. Доната, Г. Мозера, Й. Кноблоха, Й. Риме, Д. Нериуса, Ю. Шарнхорста и др. В главе освещается также вопрос о том, какие отражение орфографические правила находят в современных школьных учебниках. В заключение автор останавливается на различных положениях проекта орфографической реформы, подчеркивая необходимость постоянно учитывать роль морфематического принципа правописания в его отношении к фонологическому.

Й. Риме в главе «К проблематике орфографического правила» (с. 260—272) останавливается на философском толковании понятия «правило» и считает, что применительно к орфографии его следует понимать как требование (Aufforderung), руководство (Anleitung) и указание (Anweisung) для выполнения определенной операции, т. е. письма. Одновременно автор рассматривает методический аспект понятия правила и отмечает, что в лингвистике оно употребляется далеко не однозначно. Говоря об орфографических правилах, Й. Риме подчеркивает, что для них в целом характерны свойства прескриптивности и дескриптивности. Эти качества орфографических правил автор иллюстрирует на конкретных примерах фонологического, морфематического, лексического и синтаксического уровней.

В последней части книги помещены еще два раздела, в которых описывается история исследований, способствовавших принятию ныне действующей системы орфографии. В главе «К образованию единой немецкой орфографии в период между 1876 г. и 1901 г.» (с. 306—329) К. Лофф подробно исследует орфографическую ситуацию в период до 1876 г. Автор подчеркивает, что в 1875 г. на рассмотрение всех заинтересованных официальных инстанций был представлен проект орфографических правил немецкого языка, который стал основой для обсуждения на специальной конференции 1876 г. Далее автор показывает, что лишь через 25 лет, в 1901 г., представители всех немецкоязычных стран смогли подписать согласованный документ, положивший начало действию единой системы орфографии немецкого языка. Однако, как уже отмечалось, эта орфографическая система сразу же вызвала критическое отношение к себе.

В главе «Попытки реформы немецкой орфографии после 1901 г.» (с. 273—305) Д. Райхардт анализирует процесс нарастания неудовлетворенности правилами орфографии 1901 г. и показывает, что уже в 1902 г. стали раздаваться призывы к реформе только что принятой орфографической системы (О. Бреннер).

В «Приложении» помещены протоколы II орфографической конференции (1901 г.), отражающие состав участников и ход ее заседаний. Следует отметить, что каждая глава рассматриваемой книги заканчивается библиографией, содержащей наиболее важную теоретическую литературу вопроса.

Коллективный труд лингвистов ГДР представляет собой всестороннее исследование проблемы современной немецкой орфографии и принципов, определивших суть предложений ее реформы, впервые высказанных в систематически сформулированном виде в 1954 г. В этом труде обосновано положение о том, что в модели системы литературного языка необходимо наметить и постулировать графический уровень, наряду с такими ее уровнями, как семантический и синтаксический. В понятие системы литера-

турного языка и ее уровней входят и наиболее обобщенные текстовые свойства, а также стилистические особенности, лежащие в основе функционально-стилистической дифференциации литературного языка. Авторы коллективного труда подчеркивают также, что в модели системы языка следует различать унилатеральные и билатеральные уровни. Первые всегда относятся только к одной стороне языкового знака: семантический уровень — к содержательной, фонологический и грамматический уровни — к формальной стороне. Билатеральные уровни, напротив, относятся к языковым знакам как к единству содержания и (фонетической или графической) формы. Билатеральные уровни — это морфематический, лексический и синтаксический уровни, а также уровень текста. Задачей орфографического исследования является, по мнению авторов, изучение отношений, существующих между графическим и другими уровнями системы языка. Именно проекции всех указанных уровней на графический уровень и определяют характер принципов орфографической системы литературного языка.

На основе этих теоретических положений орфографическая исследовательская группа ГДР разработала детальные предложения, касающиеся тех частей системы орфографии, которые с самого начала находились в центре внимания проекта реформы: написание *s*, написание иноязычных слов, слоговое деление, написание слов с прописной и строчной букв, слитное и раздельное написание слов, пунктуация. Предлагаемые проектом реформы правила были продемонстрированы на конкретных примерах, а соответствующие материалы опубликованы в специальных трудах Центрального института языкознания АН ГДР под названием «Лингвистические исследования к реформе немецкой орфографии» [4].

Все эти публикации свидетельствуют об устойчивом научном интересе в языкознании ГДР к одной из важных и актуальных задач современного языкового строительства. Они являются крупным вкладом в теоретическое обоснование проекта реформы орфографии немецкого языка и могли бы, таким образом, приблизить время ее принятия. Однако реформа немецкой орфографии является делом четырех немецкоязычных стран (ГДР, ФРГ, Австрии, Швейцарии) и может быть проведена только на совместной основе. Однако вплоть до настоящего времени, через 30 лет после разработки проекта реформы, нельзя утверждать, что определились позиции для подобных совместных действий. Напротив, многое указывает на то, что в некоторых странах среди специалистов интерес к согласованному решению этой проблемы заметно затихает. Так, еще после координационного совещания представителей трех стран (Австрии, ФРГ и Швейцарии) в Вене (1971 г.), когда его участники договорились о необходимости «оживить» свою деятельность, В. Грюнес, комментируя итоги встречи, называл их «лучом надежды» («Silberstreif am Horizont»). На совещании выступил датский ученый В. Берге, рассказавший об опыте проведения реформы орфографии датского языка в 1948 г. Он сообщил, что все сомнения в отношении правописания существительных со строчной буквы, высказывавшиеся в Дании, оказались несостоятельными, о них забыли уже в первые после реформы годы [5]. Однако ни этот пример, ни обещания участников совещания усилить (реактивировать) свой интерес к общему делу не смогли повлиять на развитие условий, необходимых для успешного решения давно назревшей проблемы. В последние годы в Австрии и, особенно, в Швейцарии предприняты усилия против одного из центральных пунктов проекта — написания существительных со строчной буквы. Дискуссии, происходящие время от времени в ФРГ, также выявляют аналогичные мнения. Так, Общество немецкого языка на собрании своих членов в Госларе в 1982 г. приняло решение представить в ближайшее время проект документа, которым предусматривается поддержать многие пункты проекта реформы, но добиваться сохранения написания существительных с прописной буквы [6, с. 25]. Тот факт, что с 1973 г. в ФРГ вообще нет официальной орфографической рабочей группы, безусловно, не способствует теоретическому развитию и обоснованию ранее разрабо-

танных (в Штутгарте и Висбадене) проектов реформы немецкой орфографии. В этом смысле представляется особенно важным подчеркнуть значение неослабевающих творческих усилий лингвистов ГДР, направленных на разработку подлинно научных основ и принципов орфографии современного немецкого языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Домашнев А. И.* Реформа немецкой орфографии (история, проект и проблемы).— ИЯШ, 1974, № 2.
2. *Scharnhorst J.* Orthographie als Aufgabe.— Spectrum. Die Monatszeitschrift für den Wissenschaftler, 1982, N 7.
3. Theoretische Probleme der deutscher Orthographie. Hrsg. von Nerius D. und Scharnhorst J. Berlin, 1980.
4. Sprachwissenschaftliche Untersuchungen zu einer Reform der deutschen Orthographie. Berlin, 1981.
5. *Grünes W.* Ein Silberstreif am Horizont.— Sprache und Rechtschreibung, Wien, 1971, 5/6.
6. Reform der Rechtschreibung.— Frankfurter Allgemeine, 1982, № 114.